

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 3 (76). С. 211–217.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2023. Vol. 3 (76). P. 211–217.

Научная статья

УДК 322

doi: 10.54398/1818510X_2023_3_211

ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ УГРОЗЫ КАК ФАКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
«КОЛЛЕКТИВНОГО ЗАПАДА»

Бачурин Сергей Викторович

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия
pragpu@mail.ru

Аннотация. После 11 сентября 2001 г. в США террористическая угроза была призвана ведущей угрозой миру и порядку, а самому терроризму была объявлена самая настоящая непримиримая война. Однако, как выяснилось, политика двойных стандартов привела к тому, что тема борьбы с международным терроризмом стала предметом различных политических спекуляций, ещё больше усложнивших и без того хрупкий международный миропорядок. Как свидетельствует политическая история, политический терроризм является разновидностью политических практик государств, склонных к насилию и экстремистскому типу мышления. В основе подобных угроз лежит целенаправленное нагнетание страха, способного негативно воздействовать на противника, деморализовав и парализовав его волю и способность адекватно мыслить и реагировать. Сам политический терроризм имеет несколько степеней проявления – начиная от простых угроз и шантажа до откровенных насильственных действий, призванных физическому уничтожению противника. И политики, обладающие таким типажом мышления и поведения, даже не скрывают своих намерений, ощущая полную безнаказанность. Агрессивная внешняя политика всегда несёт деструктивность и направлена на разрушение стабильности противника, разрушение его позитивного имиджа и формирование негативной для врагов повестки дня. Настоящая статья посвящена анализу указанной политической проблематики.

Ключевые слова: терроризм, политика, двойные стандарты, риски и угрозы, шантаж, война, преступление и наказание, агрессия, элита, стратегия

Для цитирования: Бачурин С. В. Террористические угрозы как фактор внешней политики «коллективного Запада» // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 3 (76). С. 211–217. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_3_211.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

TERRORIST THREATS AS A FACTOR
IN THE FOREIGN POLICY OF THE "COLLECTIVE WEST"

Sergey V. Bachurin

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia
pragpu@mail.ru

Abstract. After September 11, 2001, the terrorist threat in the United States was called the leading threat to peace and order, and a real irreconcilable war was declared against terrorism itself. However, as it turned out, the policy of double standards has led to the fact that the topic of combating international terrorism has become the subject of various political speculations, further complicating the already fragile international world order. As political history shows, political terrorism is a kind of political practices of States prone to violence and extremist type of thinking. At the heart of such threats is the purposeful injection of fear, which can negatively affect the enemy, demoralizing and paralyzing

his will and ability to think and react adequately. Political terrorism itself has several degrees of manifestation – ranging from simple threats and blackmail, to outright violent actions designed to physically destroy the enemy. And politicians with this type of thinking and behavior do not even hide their intentions, feeling their complete impunity. Aggressive foreign policy always carries destructiveness and is aimed at destroying the stability of the enemy, destroying his positive image and forming a negative agenda for the enemies. This article is devoted to the analysis of this political problem.

Keywords: terrorism, politics, double standards, risks and threats, blackmail, war, crime and punishment, aggression, elite, strategy

For citation: Bachurin S. V. Terrorist threats as a factor in the foreign policy of the "collective West". *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2023, no. 3 (76), pp. 211–217. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_3_211.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Вся политическая история человечества есть, по сути, история его бесконечных войн, нагнетания страха и разрушения [1, с. 7]. Природа этой агрессивности кроется в невозможности и неспособности человечества решать свои спорные моменты путём рационального осмысления конфликта (договорённости) и заключения приемлемого компромисса. Под актами государственного терроризма обычно понимают незаконные задержания, похищения, шантаж, запугивание, убийства, пытки и казнь своих политических противников без суда и следствия, выполняемые сотрудниками силовых структур. Экспертами отличается также терроризм, поддерживаемый государством, когда государство, само не участвуя в терроризме, тайно финансирует и поддерживает террористические группировки. Приступным является не столько само государство, сколько существующая в нём власть, порождённая (избранная) преступными наклонностями своего общества.

Политический шантаж призван посеять страх, усилить риски. Именно этим занимаются многие политики на Западе, уверенные в своём превосходстве и в своей безнаказанности. Выражению “Englishwoman shitting” пошёл уже третий век. Следует признать, что государственный политический терроризм является не просто чрезмерным всевластием, но и злоупотреблением своим правом на применение силы. Прибегая к терроризму, власти фактически обнуляют существующий общественный договор. Насилие приводит к умножению несправедливости и упрочения практики игнорирования закона и порядка мирными средствами. Фактически это злоупотребление является внеправовым использованием государством узаконенного права на применение силы. И именно такими неправовыми (по сути криминальными) чертами обладают те политические режимы, которые стремятся укрепить свою гегемонию любыми средствами, не взирая ни на какие моральные и правовые ограничения.

Основная часть

Сущность политического терроризма

Как показывает современная политическая практика, политический терроризм государств есть узаконенное право сильного над теми, кто не обладает равным ему потенциалом и не в состоянии адекватно ответить на вызовы и угрозы. Право сильного порождает уверенность в безнаказанности, в том, что применение незаконного насилия не повлечёт за собой никакого равнозначного наказания. Именно в этой системе политических ценностей и существуют террористические политические режимы современного якобы «коллективного Запада».

Политический терроризм часто замешан на этнических разногласиях, религиозной или идеологической вражде, непримиримости с культурными ценностями «чужого мира». Мишенью политического терроризма зачастую становится символика страны и властных структур недружественных государств в целом и важнейшие общественные нормы в частности. С политическим терроризмом ассоциируются совершаемые властями преступления против своих граждан и других недружественных

народов и стран. Таким образом, политический терроризм представляет собой определённую тактику политической борьбы, основанной на применении идеологически мотивированного насилия в отношении конкретного политического противника. При этом углубляющиеся разногласия между странами способствуют росту напряжённости и угроз возникновения терроризма на почве политической неприязни и агрессии.

Отличительной чертой таких политических режимом является то, что они сами активно обвиняют своих противников в поддержке террористов. Ангlosаксы и их сателлиты неоднократно предлагали объявить Россию спонсором терроризма. В политике США давно стало нормой запугивать и шантажировать своих противников и конкурентов (а в отдельных случаях даже и союзников). Политика введения различных санкций есть фактически закамуфлированный политический терроризм, основанный на шантаже и экономическом «выкручивании рук».

Звучащие со стороны американских политиков и их клеветов угрозы в адрес России тоже по своей сути есть акт проявления политического терроризма. В самой России давно уже вынашивается идея признания украинского политического режима как террористического. То же самое следует сказать и в отношении русофобских режимов Великобритании, Польши, прибалтийских стран. Именно психоз, русофобия терроризируют само местное население этих стран, доводя их до откровенной истерики [3].

Так что же такое терроризм? Известный российский геополитик А. Г. Дугин предлагает следующее определение терроризма, это: «метод политического действия, свойственный тем группам и сектам политического (геополитического, религиозного) спектра, которые в силу определённых обстоятельств не способны добиться своих целей (или просто заявить о себе, сообщить о своей точке зрения в желаемом масштабе), действуя в рамках закона» [2, с. 292]. Для политиков тактика запугивания противника становится смыслом всей их политической практики, превращается в стратегию поведения. Террористический тип мышления становится очевидным способом жизни, привычной деятельностью, под которую подгоняются соответствующие мотивы, идеологические обоснования и апология. Используя террор как цель и средство достижения своих потребностей и интересов, такие политики рассчитывают на своё силовое превосходство и возможность избежать законного наказания за содеянное [10, с. 15–18].

В научной литературе принято считать, что «терроризм – это война нервов, успех в которой достигается за счёт внезапности, непредсказуемости места, времени, обстоятельств. Проигрывая в силе, терроризм выигрывает в мобильности, во времени и пространстве. Даже если терроризм подавлен силой, это ещё не значит, что надо праздновать победу. Остаётся питательная среда, а именно: разные целевые установки, несовместимость мировоззрений, различные жизненные позиции, стремление добиться социальной справедливости для униженных и обездоленных слоёв общества» [6].

Процесс нагнетания страха и ужаса всегда связан с усилением фальсификации, введения всех в злонамеренное заблуждение. Обман становится нормой политического запугивания и манипулирования общественным сознанием. Распространение пораженческих настроений, пресыщенность избыточной информацией, порождает неуверенность и чувство неполноценности.

В типологии политического терроризма можно выделить несколько степеней проявления: санкции, просто угрозы, шантаж, пропаганда своих фобий, проведение тайных силовых операций, открытые насильственные действия, призванные на физическое уничтожение противника, военные преступления. В этом плане уничтожение веток «Северного потока – 2» тоже стоит в ряду проявления политического терроризма конкретных государств Запада. Существующая русофобская история тоже является политическим терроризмом, введение незаконных санкций призвано тоже запугать и ухудшить положение гражданского населения.

Политика террора бывает направлена как вовнутрь своей страны, против собственных же граждан (что, чаще всего, свойственно откровенно диктаторским режимам), так и во внешней политике на геополитических конкурентов (что характерно для агрессивной политики империалистических стран). Так называемые «цветущие демократии» Запада уличены в этой постыдной практике не в меньшей степени, чем самые

кровавые тоталитарные диктаторские режимы. Всё зависит от характера и целей правящих политических элит.

Давно уже было отмечено, что политический терроризм открыто проступает в действиях политиков, особенно тогда, когда они ощущают свою безнаказанность. Поэтому вопрос преступления и наказания здесь приобретает особое звучание. Никто из американских политиков, принимавших откровенно преступные решения по войне в Югославии (1999), Афганистане (2002), Ираке (2003), Ливии (2011), Сирии (2012), Украине (2014), не понёс никакого наказания. В политической власти оказываются откровенные уголовники с откровенным криминальным политическим мышлением. Таким элитам проще совершить политическое преступление, чем договариваться и искать компромиссы.

Американский историк Джон Генри Коутсворт утверждает, что за последние три десятилетия холодной войны только в одной Латинской Америке было репрессировано и убито больше людей, чем в СССР и Восточном блоке [14, р. 230]. В частности, исследователями отмечается, что «сотни тысяч латиноамериканцев были подвергнуты пыткам, похищены или убиты правыми военными режимами в рамках возглавляемого США антикоммунистического крестового похода», который включал поддержку США операции «Кондор» и гватемальских военных во время гражданской войны в Гватемале [15, р. 107]. И подобных случаев можно привести множество из других «горячих точек» мира.

При этом сами же американские аналитики обвиняют США в поддержке и развёртывании государственного терроризма. Такая политика определяется как «незаконное преследование лиц, которых государство обязано защищать, с целью вселить страх в целевую аудиторию, помимо непосредственной жертвы», в «огромном масштабе» во время холодной войны. Правительство США оправдало эту политику, заявив, что она необходима для сдерживания распространения коммунизма, но, на самом деле, США также использовали эту политику как средство поддержки и продвижения интересов американских элит и транснациональных корпораций [12, р. 21–22].

Экспертным сообществом давно было замечено, что Запад решает политические проблемы тем, что создаёт другие, более серьёзные проблемы; когда одни преступления отодвигаются на задний план или вообще «стираются» из коллективной памяти другими, более страшными и значимыми. И эта тактика проявляется в действии его политиков с завидным постоянством. Поэтому они вынуждены постоянно повышать уровень конфронтации, постоянно нагнетать угрозы, шантаж и фобии.

Для некоторых регионов мира террористическая угроза является некоей политической константой, в которой они существуют на всём протяжении своей новейшей политической истории [7]. Практика так называемых «цветных революций» содержит в себе значительный элемент политического шантажа, угроз и насилия [8]. Запугивание противника, прежде чем его уничтожить физически, стала нормой внешней политики так называемого «коллективного Запада». В условиях господства информационных технологий именно информационное воздействие становится наиболее распространённым видом давления на противника с целью создания паники. Психология страха оказывается доминирующей в политическом поведении правящих элит «коллективного Запада».

Концептуальные аспекты борьбы с терроризмом

США – самая миролюбивая страна на словах и самый агрессивный авторитарный политический режим на деле. Вашингтон давно уже проводит политику, основанную на системном запугивании и применении шантажа в качестве оружия устрашения. США регулярно обвиняют своих конкурентов в том, в чём сами активно замешаны: коррупция, двойные стандарты, нарушения прав человека, тоталитаризм, фальсификация, терроризм. Причём все перечисленные выше категории, оказываются суммарной сутью как внешней, так и внутренней политики Соединённых Штатов.

В традиции внешней политики США давно утвердилась стратегия создания на базе отдельных проамериканских террористических организаций вполне «законных» формирований, которые они выдают за борцов с тиранией неугодных им режимов.

Так было с Аль-Каидой¹ (1980-е), так было и с Армией освобождения Косова (1990-е), так было с ИГИЛ² (2000-е) и со Свободной сирийской армией (2011). По странному стечению обстоятельств организаторами, покровителями (финансистами) и руководителями этих террористических движений было ЦРУ (Central Intelligence Agency). В своей книге ««Аль-Каида»: Подлинная история радикального ислама» американский журналист Джейсон Берк прямо указывал на ЦРУ как на главного организатора и руководителя этой террористической организации [13, р. 5]. То же самое утверждалось и в отношении ИГИЛ^{*} [17] и Армией освобождения Косова [16]. За свою историю ЦРУ (с 1947) подготовила больше террористов, чем кто-либо в мире. И всё это делалось США на экспорт. Наряду с долларом террористы стали главным политическим экспортным товаром США.

Так называемые «внутренние террористы», «обнаруженные» после событий 6 января 2021 г. (штурма Капитолия сторонниками Д. Трампа), внесли изменения в стратегическое видение Белого дома. 12 октября 2022 г. в США была опубликована новая «Стратегия национальной безопасности», в которой было представлено стратегическое развитие Штатов на ближайшее будущее. В частности, в ней было заявлено, что теперь больше не будет различий между внутренней и внешней политикой США. «Стратегия национальной безопасности США 2022 г.» открывается одним важным для всех утверждением, носящим аксиомный характер: «мир как никогда нуждается сейчас в американском лидерстве» [11]. При этом вашингтонские стратеги обещают уже больше не делать различие между внешней и внутренней политикой, а намерены рассматривать их как нечто единое целое.

У Москвы более конкретный подход в выработке своих стратегических намерений. Так, в новой «Концепции внешней политики Российской Федерации» (31.03.2023) приоритетное внимание уделяется искоренению международного терроризма, защиты государства и российских граждан от террористических актов. Предлагаются меры от повышения эффективности и скоординированности многостороннего сотрудничества в сфере противодействия терроризму, в том числе в рамках ООН, и укреплению определяющей роли государств и их компетентных органов в противодействии терроризму и экстремизму до укрепления многопланового взаимодействия с союзниками и партнерами в сфере борьбы с терроризмом, оказанию им практического содействия в проведении контртеррористических операций, в том числе в целях защиты христиан на Ближнем Востоке [5].

На словах англосаксы борются с терроризмом, на практике они сами его порождают, распространяют и поддерживают. Шантаж и запугивание призваны их самыми эффективными и распространёнными политическими методами [9]. Откровенно террористические призывы украинских нацистов к расправе над русскими, демократический Запад упорно не замечает и игнорирует. Поведение украинских политических элит становится эталонным в определении сущности политического терроризма на уровне государства [4]. Откровенно криминальные элиты, помешанные на диком национализме и человеконенавистническом экстремизме, – вот что такое в настоящее время представляет собой то, что называется украинской властью. Поддерживая подобного рода политические режимы, США и их союзники разрушают саму веру в существование равноправных международных отношений, основанных на морали и праве.

Таким образом, борьба с терроризмом по-американски на деле реализуется в поддержке своих «карманных» террористических групп, которые берутся на полное содержание. Это определённый психологический типаж. Это политики с агрессивными инстинктами. Это, когда во власти оказываются «силовики» (по классификации Н. Макиавелли – «львы»), политики с откровенно криминальным мышлением, находящиеся под защитой могущества своих государств. Насилие оказывается нормой политической реальности. И это не только откровенные диктаторские политические режимы, это ещё и «цветущие демократии».

¹ *Террористическая организация, запрещённая на территории РФ.

² *Террористическая организация, запрещённая на территории РФ.

Выводы

Политический терроризм всё больше приобретает вид узаконенной политическими элитами власти, основанной на насилии и злоупотреблении права применения насилия для защиты своих национальных интересов. Это злоупотребление властью касается не только коррупции, но и терроризма. Он основан на чувстве безнаказанности и вере в то, что «слабый» никогда не сможет наказать «сильного» исходя только их правовых основ международных отношений. Возникает особый тип политиков – политики-террористы, склонные к безнаказанному и незаконному использованию насилия в своих целях. Их власть основана на нагнетании страха, запугивании «своих» и «чужих».

В нагнетании ужаса в политике заинтересованы прежде всего те политические элиты, которые уверены в своём силовом превосходстве над остальными. Для них любой террор допустим и оправдан. При этом шантаж чаще всего связан с процессом фальсификации, введения всех (в том числе и «своих») в тотальное и фатальное заблуждение. Поэтому война фейков является не просто информационным сопровождением политического террора, но и активной составной частью его и политических технологий негативного психологического воздействия на противника.

Список литературы

1. Бодрийяр, Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было / Ж. Бодрийяр ; пер. с франц. А. Качалова. – Москва : РИПОЛ классик, 2016. – 224 с.
2. Дугин, А. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI в. / А. Дугин. – Санкт-Петербург : Амфора, 2007. – 382 с.
3. Карабущенко, П. Л. Русофобия: история одной химеры / П. Л. Карабущенко. – Москва : ИНФРА-М. 2021. – 327 с.
4. Карницкая, В. Р. Политическая элита Украины: противоречия становления и развития / В. Р. Карницкая // Вопросы элитологии. – 2021. – Т. 2, № 2. – С. 123–140. – doi: 10.4653.9/elit.v2i2.66.
5. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.). – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586 (дата обращения: 25.04.2023 г.).
6. Королев, А. А. Террор и терроризм в психологическом и идеологическом измерении: история и современность / А. А. Королев. – Москва : Московский гуманитар. ун-т, 2008. – 50 с.
7. Косов, Г. В. Ближневосточный узел Большого Средиземноморья в контексте элитологического анализа / Г. В. Косов, Д. Б. Татарков // Вопросы элитологии. – 2020. – Т. 1, № 1. – С. 111–129. – doi: 10.46539/elit.v1i1.7.
8. Максимова, Е. Н. Политические элиты как ведущий фактор цветных революций на постсоветском пространстве / Е. Н. Максимова // Вопросы элитологии. – 2020. – Т. 1, № 2. – С. 115–128. – doi: 10.46539/elit.v1i2.20.
9. Невмержицкая, Ю. П. Современные британские элиты и системный кризис управления / Ю. П. Невмержицкая // Вопросы элитологии. – 2022. – Т. 3, № 3. – С. 13–26. – doi: 10.46539/elit.v3i3.114.
10. Ольшанский, Д. В. Психология террора / Д. В. Ольшанский. – Екатеринбург : Деловая книга ; Москва : Академический проект, ОППА, 2002. – 320 с.
11. 2022 National Defense Strategy, 27.10.2022. – 80 p.
12. Blakeley, R. State Terrorism and Neoliberalism: The North in the South / R. Blakeley. – London and New York: Routledge, 2009. – 224 p.
13. Burke, J. Al-Qaeda: The True Story of Radical Islam / J. Burke. – I. B. Tauris Publisher, 2004. – 304 p.
14. Coatsworth, J. H. The Cold War in Central America, 1975–1991 / J. H. Coatsworth // The Cambridge History of the Cold War (Vol. 3). – Cambridge University Press, 2010. – P. 201–221. – doi: 10.1017/CHOL9780521837217.011.
15. McSherry, J. P. "Industrial repression" and Operation Condor in Latin America / J. P. McSherry // State Violence and Genocide in Latin America: The Cold War Years. – Routledge Publisher, 2011. – P. 107–123.
16. Perritt, H. H. Kosovo Liberation Army: The Inside Story of an Insurgency / H. H. Perritt. – University of Illinois Press, 2008. – 264 p.
17. Weiss, M., Hassan, H. ISIS: Inside the Army of Terror / M. Weiss, H. Hassan. – Regan Arts Publisher, 2015. – 270 p.

References

1. Bodriyyar, Zh. *Dukh terrorizma. Voyny v zalive ne bylo* [Spirit of terrorism. Spirit of terrorism. There was no Gulf War]. Moscow : RIPOL klassik; 2016, 224 p.
2. Dugin, A. *Geopolitika postmoderna. Vremena novykh imperiy. Ocherki geopolitiki XXI v.* [Postmodern geopolitics. Times of new empires. Essays on the geopolitics of the XXI century]. St. Petersburg: Amfora; 2007, 382 p.
3. Karabushhenko, P. L. *Rusofobiya: istoriya odnoy khimery* [Russophobia: the story of a chimera]. Moscow: INFRA-M; 2021, 327 p.
4. Karnickaya, V. R. Politicheskaya elita Ukrainy: protivorechiya stanovleniya i razvitiya [Political elite of Ukraine: contradictions of formation and development]. *Voprosy elitologii* [Questions of elitology]. 2021, vol. 2, no. 2, pp. 123–140. doi: 10.4653.9/elit.v2i2.66
5. *Kontseptsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii (utverzhdena Prezidentom Rossiyskoy Federatsii V. V. Putinyam 31 marta 2023 g.)* [The concept of the foreign policy of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V. V. Putin on March 31, 2023)]. Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586 (accessed: 25.04.2023).
6. Korolev, A. A. *Terror i terrorizm v psikhologicheskom i ideologicheskom izmerenii: istoriya i sovremennost* [Terror and terrorism in the psychological and ideological dimension: history and modernity]. Moscow: Moscow Humanitarian University; 2008, 50 p.
7. Kosov, G. V., Tatarkov, D. B. Blichnevostochnyy uzel Bolshogo Sredizemnomorya v kontekste elitologicheskogo analiza [The Middle East knot of the Greater Mediterranean in the context of elitological analysis]. *Voprosy elitologii* [Questions of elitology]. 2020, vol. 1, no. 1, pp. 111–129. doi: 10.46539/elit.v1i1.7.
8. Maksimova, E. N. Politicheskie elity kak vedushchiy faktor cvetnykh revolyutsiy na postsovetском prostranstve [Political elites as a leading factor in color revolutions in the post-Soviet space]. *Voprosy elitologii* [Questions of elitology]. 2020, vol. 1, no. 2, pp. 115–128. doi: 10.46539/elit.v1i2.20.
9. Nevmerzhiykaya, Yu. P. Sovremennye britanskije elity i sistemnyy krizis upravleniya [Modern British elites and the systemic crisis of management]. *Voprosy elitologii* [Questions of elitology]. 2022, vol. 3, no. 3, pp. 13–26. doi: 10.46539/elit.v3i3.114.
10. Olshanskiy, D. V. *Psihologiya terrora* [Psychology of terror]. Yekaterinburg: Delovaya kniga; Moscow : Akademicheskij proekt, OPPA; 2002, 320 p.
11. 2022 *National Defense Strategy, 27.10.2022*, 80 p.
12. Blakeley, R. *State Terrorism and Neoliberalism: The North in the South*. London and New York: Routledge; 2009, 224 p.
13. Burke, J. *Al-Qaeda: The True Story of Radical Islam*. I. B. Tauris Publisher; 2004, 304 p.
14. Coatsworth, J. H. The Cold War in Central America, 1975–1991. *The Cambridge History of the Cold War (Vol. 3)*. Cambridge University Press; 2010, pp. 201–221. doi: 10.1017/CHOL9780521837217.011.
15. McSherry, J. P. "Industrial repression" and Operation Condor in Latin America. *State Violence and Genocide in Latin America: The Cold War Years*. Routledge Publisher; 2011, pp. 107–123.
16. Perritt, H. H. *Kosovo Liberation Army: The Inside Story of an Insurgency*. University of Illinois Press; 2008, 264 p.
17. Weiss, M., Hassan, H. *ISIS: Inside the Army of Terror*. Regan Arts Publisher; 2015, 270 p.

Информация об авторе

Бачурин С. В. – соискатель кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений.

Information about the author

Bachurin S. V. – applicant for the Department of Foreign History, Political Science and International Relations.

Статья поступила в редакцию 11.05.2023; одобрена после рецензирования 30.05.2023; принята к публикации 30.06.2023.

The article was submitted 11.05.2023; approved after reviewing 30.05.2023; accepted for publication 30.06.2023.